

Сюэ Фэйфэн бесцельно вёл коня под уздцы, внезапно поймав себя на мысли, что напрочь забыл, зачем вообще пришёл на этот рынок. Перед его глазами то и дело всплывал образ Шэнь Цинжань — та стояла, стыдливо и робко опустив глаза, словно и впрямь всем сердцем ждала появления на свет дитя в своём чреве.

От этих размышлений полуденное солнце показалось мужчине неоправданно слепящим и раздражающим.

Чан Бай, лихорадочно высматривавший кого-то в толпе, вдруг заприметил Сюэ Фэйфэна и со всех ног бросился к нему:

— Господин! Хозяйка пропала! Извините, я недоглядел, готов понести любое наказание!

Воин уже собирался было рухнуть на колени прямо посреди оживлённой улицы, но Сюэ Фэйфэн остановил его одним лишь ледяным взглядом.

— Вот как, — сухо обронил генерал, даже не сделав попытки отправиться на поиски.

Чан Бай совершенно растерялся и, пересиливая страх, поплёлся следом, бормоча:

— Хозяйка ушла одна, она хотела продать сахарный тростник... И ещё, я заметил, что она всё время держится за живот...

Возможно, её ранили...

— Чан Бай, — резко оборвал его Сюэ Фэйфэн, и в его голосе смешались сложные, разочарованные ноты. — Довольно.

Держится Шэнь Цинжань за живот или нет — его это больше не касается.

Уж точно не из-за него.

Однако Чан Бай, несмотря на колоссальное давление, исходящее от господина, всё же не сдержался и решил сгустить краски, дабы вызвать жалость к Шэнь Цинжаню:

— В дом ворвалась банда бездельников и устроила погром. Похоже, хозяйку сильно избили.

Сюэ Фэйфэн резко замер. Пальцы, сжимавшие поводья, с силой сжались и снова разжались. Наконец, он с некоторой долей обречённости спросил:

— Где именно рана? Снадобье применили?

Чан Бай затараторил со скоростью пулемета:

— В области живота! Я проявил малодушие и не сумел убедить её обработать раны.

Вспомнив аккуратный почерк Шэнь Цинжань и ту благородную, исполненную достоинства манеру, с которой девушка держалась при разговоре с купцами, Чан Бай внезапно осознал, что их хозяйка — далеко не простая деревенская замарашка. Отрешись от её происхождения, она по всем статьям была достойной парой их господину.

И теперь сердце преданного слуги отчаянно болело за этого упрямого и неловкого в делах сердечных генерала.

Ну как можно так глупо ссориться молодожёнам?

Однако стоило Сюэ Фэйфэну дослушать доклад, как мимолётная тревога на его лице мгновенно улетучилась.

Будь травма живота действительно серьёзной, плод бы не удержался. А Шэнь Цинжань в таверне вовсе не выглядела как человек, потерявший ребёнка.

Мужчина склонялся к тому, что девушка просто слегка ушиблась, и сознательно заставил себя проявить жесткость, решив не вмешиваться.

— Господин, мы возвращаемся? — Чан Бай заметил, что Сюэ Фэйфэн повернул на восток, в сторону Лицзяцунь.

Воин тут же смекнул, что генерал и хозяйка уже успели где-то пересечься, и между ними пробежала не просто кошка, а целый тигр.

Но насколько глубока была их размолвка?

Чан Бай заколебался: стоит ли ему сопровождать хозяина до дома или продолжать выполнять первоначальный приказ?

Он подчинялся исключительно Сюэ Фэйфэну, и если Шэнь Цинжань больше не являлась супругой генерала, то и заботиться о ней не имело никакого смысла.

— И чего ты за мной тащишься? — Сюэ Фэйфэн с укором посмотрел на подчинённого, чувствуя досаду от его недогадливости.

Было же сказано, что Шэнь Цинжань слишком хрупка и легко привлекает к себе всякий сброд, так почему этот болван до сих пор не бежит ее искать?

— Слушаюсь! — Чан Бай мгновенно всё понял. Это была обычная милая ссора из разряда «милые бранятся — только тешатся»!

Видя, что господин на самом деле сгорает от беспокойства, но из гордости сдерживает себя и ни о чём не спрашивает, охранник проявил инициативу и доложил:

— Когда хозяйка пробиралась через горы, ей пришлось заночевать в заброшенной пещере. Бедняжка всю ночь глаз не могла сомкнуть от жуткого волчьего воя.

Сюэ Фэйфэн на мгновение закрыл глаза и с нескрываемым вздохом капитуляции произнёс:

— Ступай и раздобудь где-нибудь костыли.

Раз уж он обо всём узнал, неужели он позволит Шэнь Цинжаню дрожать от страха в лесу ещё одну ночь?

Тем временем госпожа Шэнь тихонько опустила на деревянный стол пухлый кошель с монетами и негромко произнесла:

— Сяо Бао, ты кушай, кушай, а матушке пора идти.

Шэнь Цинжань в этот момент всё ещё пребывал в глубоком шоке от собственного бесстыдства — шутка ли, прилюдно признать себя беременной бабой!

Его устоявшееся мировоззрение трещало по швам, а на лице застыло выражение полнейшей отрешённости от мира сего. Услышав, что мать уходит, он на чисто автоматическом уровне кивнул головой.

Уж лучше пускай уходит — по крайней мере, ему больше не придётся давиться этой жирной куриной ногой и снова изображать рвоту.

Когда краска стыда немного сошла с его лица, а редкие посетители вернулись к своим тарелкам, потеряв к нему всякий интерес, Шэнь Цинжань наконец поднял голову и глубоко вдохнул, чувствуя, что снова может дышать.

Взглянув на оставленный кошель, парень почувствовал укол совести. Вышедшая замуж «дочь», встретив на рынке родную мать, мало того что не преподнесла ей ни единого гроша в знак сыновней почтительности, так ещё и заставила несчастную женщину выворачивать собственные карманы.

Госпожа Шэнь знала лень и прожорливость своего чада слишком хорошо — она буквально шкурой чувствовала, что стоит ей задержаться хоть на минуту, и этот паразит непременно потребует проводить его домой, дабы страсти с родителей ещё немного денег на житьё.

Шэнь Цинжань вздохнул, достал из широкого рукава серебро, оставленное Сюэ Фэйфэном, дабы полностью оплатить обед, после чего подхватил материнский кошель и поспешил на улицу.

Прямо сейчас он был не в состоянии содержать престарелых родителей прежнего владельца тела, но брать у них последние гроши было выше его принципов.

Дом семейства Шэнь располагался в самом конце этой улицы, за правым поворотом. Едва ступив за порог таверны, Шэнь Цинжань, который благодаря своему мужскому росту был на голову выше большинства прохожих, сразу же приметил торопливо удаляющийся силуэт матери.

Поскольку на нём всё ещё было надето женское платье, парень не решился кричать на всю улицу, а потому просто тихо пошёл следом, намереваясь вернуть деньги прямо у порога родного дома.

Окраина городка была куда тише и безлюднее центрального рынка. В этом захолустье вся торговая улица едва ли насчитывала сотню метров, и это уже считалось верхом процветания.

Миновав очередной кривой переулок, он оказался среди простых глинобитных домиков, мало чем отличавшихся от деревенских изб в Лицзяцунь.

Шэнь Цинжань проводил взглядом мать, скрывшуюся за деревянной дверью одного из жилищ. Осмотревшись по сторонам и убедившись, что вокруг никого нет, он уже собирался было постучать, как вдруг изнутри донёсся приглушённый голос госпожи Шэнь:

— Я только что Сяо Бао на рынке встретила! Быстрее, запирайте ворота! Если этот бездельник пронюхает, что мы грузим вещи и собираемся съезжать, он же тут такой скандал закатит — век не отмоемся.

— Живее, живее, засов наложи! Делаем вид, будто дома никого нет.

— Эх, старик... Вот скажи мне, правильно ли мы поступаем?.. Ежели Ли Фэн в конечном итоге

прогонит нашего Сяо Бао, куда ему податься? Он же по миру пойдёт, с голоду помрёт где-нибудь под забором, — госпожа Шэнь грузно опустилась на табурет, и в её голосе всё же прорезалась запоздалая материнская жалость.

— А ты предлагаешь его с собой тащить? У тебя что, лишние деньги завелись? Нам самим дай бог день продержаться да ночь простоять, ты подумала, на чьи плечи этот негодник потом ляжет? Неужто прикажешь старшей да младшей дочерям всю жизнь его на своём горбу тащить? — Глава семейства Шэнь надолго замолчал. — Решено. Оставим всё как есть.

Шэнь Цинжань замер у порога, словно его окатили ушатом ледяной воды.

Он криво усмехнулся и медленно, стараясь не издавать ни звука, приблизился к двери. Аккуратно опустив кошель на деревянный порог, он выудил из рукава ещё несколько мелких медных монет, которые изначально припрятал, дабы оплатить ночлег на постоялом дворе.

Раз уж родная кровь заранее предрекла ему участь бездомного бродяги, пускай эти крохи послужат им дорожным приварком.

Что и говорить, нелюбовь к физическому труду действительно способна превратить человека в глазах окружающих в сущий кошмар.

Вот только он уже давно не был тем изнеженным молодым господином, привыкшим жить на всём готовом.

Шэнь Цинжань поймал себя на мысли, что его собственная чувствительность в данный момент кажется ему довольно странной. Он ведь не был настоящим сыном этих людей, и вся эта сцена должна была вызвать у него разве что чувство неловкости. По логике вещей, ему следовало бы лишь порадоваться решению четы Шэнь — теперь они не будут путаться у него под ногами.

В эту суровую эпоху, где рождение мальчика считалось благословением ради продления рода, госпожа Шэнь не позволила эгоистичному желанию обуздить дочерей ради непутёвого сына и не заставила сестёр до конца дней содержать брата-лоботряса. В каком-то смысле это тоже можно было назвать проявлением материнской любви и крупницей здравого смысла.

Шэнь Цинжань молча развернулся и зашагал прочь.

В этот момент ему до безумия захотелось увидеть Сюэ Фэйфэна.

Родная мать оказалась куда менее надёжной опорой, чем этот хромо́й мужчина. По крайней мере, перед Сюэ Фэйфэном он мог капризничать и воротить нос от невкусной еды, не боясь быть брошенным.

Парень поднял глаза и внезапно замер на выходе из переулочка. Там, опершись на грубо обтёсанные костыли, в полном безмолвии стоял мужчина. Он держался на ногах с явным трудом, но его фигура казалась незыблемой и надёжной, словно вековая скала.

Сюэ Фэйфэн.

У Шэнь Цинжана мгновенно защемило в носу, и из глаз совершенно некстати брызнули горячие слёзы.

Он со всех ног бросился вперёд, мертвой хваткой вцепился в рукав мужчины и, часто-часто моргая затуманенными глазами, беззвучно спросил: «Как ты здесь оказался?»

Сюэ Фэйфэн сделал вид, будто не слышал доносившихся из дома Шэнь речей о предательстве и бегстве, и лишь негромко спросил:

— Ну и почему мы снова плачем?

Шэнь Цинжань лишь упрямо помотал головой, продолжая изо всех сил сжимать грубую ткань его одежды, словно брошенный ребёнок, который до смерти боится потерять своего последнего близкого человека.

В этот миг до него наконец дошло, отчего его душу так сильно ранила сцена у дома родителей.

Его родная семья отрёклась от него из-за нежелания кормить бездельника, и в подсознании парня засел панический страх — он до ужаса боялся однажды услышать те же самые слова из уст Сюэ Фэйфэна.

При каждом шаге Шэнь Цинжань слегка натягивал его рукав. Даже в самые тяжёлые дни на поле боя, будучи раненым, Сюэ Фэйфэн никогда не испытывал этого странного, щемящего чувства, когда ты за кого-то в ответе и ведёшь за собой «целое семейство». Мужчина мысленно вздохнул.

Пока они не встретились, Чан Бай из кожи вон лез, расписывая его страдания. А стоило им сойтись лицом к лицу, как этот парень разревелся так горько, что переплюнул любые доклады.

Каждое его беззвучное рыдание снайперским ударом било генералу прямо в сердце, заставляя совершать абсолютно безумные с точки зрения логики поступки.

Сюэ Фэйфэн поймал себя на мысли, что сознательно ищет приключений на свою голову. Решение сопровождать Шэнь Цинжань в обратный путь означало лишь одно: всю эту бесконечную горную тропу ему придётся преодолевать на костылях. Ноги-то у него, положим, были в полном порядке, а вот подмышки после такого марш-броска гарантированно превратятся в сплошной синяк.

Генерал опустил взгляд и заметил, что подошвы туфель Шэнь Цинжана полностью стёрлись, отчего тот шёл, заметно прихрамывая. Под глазами парня залегли густые тени, а сами веки из-за ночных слёз припухли и отливали нездоровой синевой. Совершенно очевидно, что из-за волчьего воя бедняга не сомкнул глаз ни на минуту.

— Твоя обувь пришла в полную негодность. Давай наймём повозку, — предложил Сюэ Фэйфэн.

С их нынешним «инвалидным» tandemом они в лучшем случае добредут до дома к следующему новолунию.

Шэнь Цинжань тут же отчаянно закрутил головой и беззвучно одними губами выдохнул: «Я справлюсь, честно».

Благодаря заботам своих ненормальных подчинённых, Сюэ Фэйфэн всего за пару дней умудрился на базовом уровне освоить чтение по губам.

Дабы избавить «супругу» от лишних страхов, генерал решил немного подправить свой образ в ее глазах:

— В этот раз в городе мне удалось неплохо заработать, так что на карету у нас денег точно хватит.

Шэнь Цинжань промолчал, но в его глазах отразилось явное сомнение. Торговля — дело тонкое и жестокое, он сегодня лично прочувствовал это на собственной шкуре, а потому делить слова Сюэ Фэйфэна следовало как минимум на восемь.

Наверняка просто пытается утешить его, чтобы он не чувствовал себя обузой, транжирящей семейный бюджет.

И снова этот недоверчивый взгляд. У Сюэ Фэйфэна голова пошла кругом.

Изначально он планировал назвать сумму в сто лянов серебра, но видя, что Шэнь Цинжань готова устроить ему тотальную ревизию, вовремя прикусил язык и выдал:

— Двадцать лянов.

— Держи, и хватит уже грустить, — великий полководец не знал иных способов утешения, кроме как совать в руки серебро.

Шэнь Цинжань тупо уставился на увесистый кусок металла, который всё ещё хранил тепло ладони Сюэ Фэйфэна. В его голове наконец-то выстроилась логическая цепочка, и он вспомнил об истинной цели своего похода в город. Лихорадочно пошарив в рукаве, он извлёк исписанный лист бумаги и протянул его мужу.

— Ты хочешь выгодно продать сахарный тростник?

Шэнь Цинжань усердно закивал: «Я больше не съем ни единого стебля! Давай продадим его, а все деньги ты заберёшь себе». И с этими словами он попытался всучить серебро обратно.

«Вот только... у меня ничего не вышло, никто не хочет его покупать», — парень виновато опустил голову, чувствуя себя полным ничтожеством.

Сердце Сюэ Фэйфэна окончательно растаяло, и он, поддавшись порыву, мягко произнёс:

— У меня есть один хороший знакомый, его семья как раз держит крупную сахарную мануфактуру...

Глаза Шэнь Цинжана мгновенно округлились, и он уставился на мужа взглядом, полным искреннего, безграничного обожания.

Сюэ Фэйфэн мысленно выдохнул: «Решено. Завтра же велю Чан Мину явиться в деревню и купить весь этот чертов тростник под чистую!»

Разделавшись с главной головной болью, Шэнь Цинжань заметно повеселел. Неподалёку как раз располагалось стойло, возле которого мирно жевали сено два небольших ослика. По сравнению с высокими, статными боевыми скакунами эти длинноухие создания выглядели довольно приземистыми и, мягко говоря, не отличались особым интеллектом.

Однако в глазах парня вспыхнул живой интерес. Ткнув пальцем в сторону загона, он оживленно показал Сюэ Фэйфэну:

«Давай купим вон того!»

Сюэ Фэйфэн проследил за его взглядом. Возле кормушки лениво хрустели сухой травой четыре превосходных коня. И пусть их порода уступала элитным императорским скакунам, их мускулистые крупы и сильные ноги внушали уважение.

Ли Фэн в своё время служил в армии, так что если он заявит, будто обучен верховой езде, и самолично привезёт молодую супругу в деревню верхом — это не вызвало бы у соседей лишних вопросов.

— Хорошо, давай купим, — согласился генерал.

Шэнь Цинжань от радости едва не подпрыгнул и весело припустил напрямик к двум осликам, намереваясь выбрать того, что покрепче. Осёл — животное в хозяйстве незаменимое, на нём потом можно будет крутить тяжёлые каменные жернова для отжима тростникового сока. А самое главное — Сюэ Фэйфэн сможет с комфортом восседать на его спине по пути домой.

Сам он будет бережно вести животное под уздцы впереди, а Сюэ Фэйфэну останется лишь крепко держаться в седле и сохранять равновесие.

Увидев, к какому именно «транспортному средству» с восторженным писком направляется его благоверная, у Сюэ Фэйфэна предательски дёрнулось веко.

Нет. Великий генерал империи категорически отказывался ехать в родную деревню верхом на осле.

<http://bllate.org/book/17933/1723620>